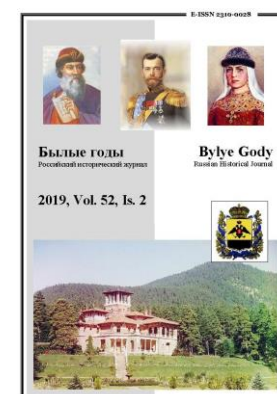

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 726-735. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.726
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Newspapers and the Struggle for Independence of the German Population of Schleswig-Holstein 1863–1864

Vladimir N. Baryshnikov^a, Anatolii V. Smolin^a, Nikita O. Kozlov^{a,*}

^aSt. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the public opinion of the Russia during the Schleswig-Holstein crisis of 1863-1864. The Schleswig-Holstein question is considered one of the most difficult international relations in history, not only because it was part of the unification of Germany, but also because it was a part of the struggle of the European powers for economic and strategic leadership in the Baltic region. How and why were these events perceived by Russian society?

The traditional source of public opinion research was the press. The greatest contribution to informing and discussing events in Denmark was made by such newspapers as Vest', Den', Golos, Moskovskie Vedomosti and other leading russian newspapers.

The first part of article is devoted to the internal state of Russia by 1863-1864, including the conditions for existing of public opinion. Russian periodicals not only provided operational information, but also formed a definite view of events in Denmark.

The second chapter is devoted to reflection of periodicals on the main events of the Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864: the escalation of the Schleswig-Holstein issue in 1863, the beginning of the Austro-Prussian-Danish war in February 1864, the diplomatic efforts of neutral powers to stop the war, the policy of European states.

Keywords: Schleswig-Holstein, The Second Schleswig war, Russian public opinion, Russian newspapers, unification of Germany, Danish war 1864.

1. Введение

Шлезвиг-гольштейнским вопросом в отечественной историографии именуют комплекс международных противоречий XIX века, связанных с судьбой двух герцогств – Шлезвига и Гольштейна, расположенных на юге Ютландского полуострова.

Одной из проблем Шлезвига и Гольштейна, входивших в Датское королевство, было то, что население этих герцогств являлось преимущественно немецким, за исключением территории северного Шлезвига, где большинство составляли датчане. Таким образом, шлезвиг-гольштейнский вопрос являлся составной частью германского вопроса: любые попытки датских королей инкорпорировать герцогства в состав непосредственно Датского королевства наталкивались на сопротивление как германских государств, так и немецких жителей Шлезвига и Гольштейна.

Шлезвиг-гольштейнский вопрос считается одним из сложнейших в истории международных отношений. Это связано с тем, что он являлся частью проблемы объединения Германии. К тому же в этом регионе шла борьба европейских держав за экономические и стратегические позиции в бассейне Балтийского моря (Роотс, 1956: 159). Здесь сталкивались интересы Англии, Франции, России, Пруссии и Австрии, наряду с которыми в разрешении шлезвиг-гольштейнского вопроса участвовала даже Швеция.

* Corresponding author

E-mail addresses: koylov1725@gmail.com (N.O. Kozlov)

Кризис на территории герцогств возник в ноябре 1863 г., когда на односторонние меры датского правительства по интеграции Шлезвига в состав Датского королевства население ответило национально-освободительным движением. По новой конституции 13 ноября 1863 г. на Шлезвиг распространялось датское законодательство, в то время как в Гольштейне сохранялось прежнее устройство. Поскольку датская политика нарушала международные договоренности 1852 г., определявшие Шлезвиг-Гольштейн как неразрывное владение датского короля, восстание в герцогствах нашло поддержку в Германском союзе, оказавшем поддержку восстанию и занявшем своими войсками Гольштейн в декабре 1863 г.

Оккупировав Гольштейн, Германский союз не рассматривал возможность войны с Данией, а датское правительство, предусмотрев вероятную потерю Гольштейна, однозначно решило сохранить за собой хотя бы Шлезвиг. Упорство датчан подкреплялось слухами о военной поддержке европейскими державами в случае немецкой агрессии против Дании. Немалую роль в этом сыграла и Швеция, не один раз заявлявшая о готовности прийти на помощь Дании, если немецкие войска вступят в Гольштейн.

16 января 1864 г. Пруссия и Австрия предъявили Дании ультиматум, согласно которому последняя должна была отменить действие конституции 13 ноября 1864 г., в противном случае Австрия и Пруссия угрожали войной. Датское правительство проигнорировало ультиматум, и 1 февраля 1864 г. началась австро-прусско-датская война, которая в значительной степени изменила баланс сил в Балтийском регионе и привлекла внимание других держав, в том числе и России.

С учетом тесных русско-немецких экономических и культурных связей в этот период германский вопрос имел большое значение для российской внешней политики, в особенности – отношения с Пруссией и Австрией, великими европейскими державами.

Восприятие шлезвиг-гольштейнского кризиса российской прессой, выразившей и формировавшей общественное мнение империи, стало целью нашего исследования.

2. Материалы и методы

2.1. Одним из основных средств выражения общественного мнения считается периодическая печать. Отечественная историография традиционно делит органы печати 1860-х годов по их идейно-политической направленности на консервативные и либеральные.

Среди изданий консервативного толка выделяются «Московские ведомости» и «Весть», которые особенно чутко воспринимали события шлезвиг-гольштейнского кризиса. Они отстаивали охранительные и монархические идеи, выступая за верность России принципам легитимизма в вопросах внешней политики. После того как в 1863 г. «Московские ведомости» возглавил талантливый журналист и организатор М.Н. Катков, это издание начинает играть заметную роль и пользоваться влиянием в правительственных кругах и среди представителей реакционно-консервативной части общества.

Газета «Весть» снискала славу органа «неокрепостников» и ультраконсервативного издания ввиду ее верности идеалам политической системы Николая I и сопротивлению крестьянской реформе 1861 г. Данное обстоятельство предопределило характер отражения событий шлезвиг-гольштейнского кризиса и его оценок на ее страницах.

Среди либеральных органов печати наиболее влиятельным была петербургская газета «Голос», созданная в 1863 г. опытным газетным предпринимателем А.А. Краевским. Среди других газет либеральной направленности нельзя не упомянуть о таких изданиях, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости».

Особняком стоит газета «День» – главный орган славянофилов, издававшаяся И.С. Аксаковым. Назвать «День» либеральной газетой можно лишь с оговорками, тем не менее на ее страницах наблюдается определенная оппозиционность правительственному курсу.

Большой популярностью у читателей пользовалась «Иллюстрированная газета». Ее редактором был талантливый журналист и организатор В.Р. Зотов. Она освещала самый широкий круг проблем, которые стояли перед Россией и российским обществом, в том числе и вопросы внешней политики.

2.2. Методологическую основу работы составляют базовые принципы исторической науки – историзма, объективности, системности. Принцип историзма позволил изучить исследуемые явления в их конкретно-исторической связи с событиями шлезвиг-гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. Принцип научной объективности обеспечил приближение к действительной картине прошлого. Принцип системности, подразумевающий анализ исторических явлений с точки зрения их системной взаимосвязи, позволил воссоздать обобщенную картину, выявить закономерности исторических процессов.

3. Обсуждение

По истории шлезвиг-гольштейнского вопроса написано немало научных трудов историками разных стран. Тем не менее существует не так много работ, посвященных роли России в кризисе 1863–1864 гг.

Немалый интерес вызывает работа немецкого историка Р. Обершмидта «Россия и шлезвиг-гольштейнский вопрос 1839–1853», в которой он освещает значение позиции России в судьбе герцогств (Обершмидт, 1997).

В дореволюционный период интерес в России к событиям 1863–1864 гг. в Дании в основном связан с военными действиями прусской армии (Козлов, 2018).

О том, как на рубеже XIX–XX вв. в российском обществе возрастал интерес к истории Северной Европы, в том числе и к шлезвиг-гольштейнской проблематике, писал В.Н. Барышников (Барышников, 2014). С течением времени менялись предпочтения исследователей: от интереса к истории Германии к изучению истории непосредственно Балтийского региона.

После революции 1917 г. в России намеченный процесс на некоторое время прервался, но работы по шлезвиг-гольштейнской проблематике все же появлялись. В 1939 г. в журнале «Красный архив» под заголовком «Россия и Пруссия в шлезвиг-гольштинском вопросе» был опубликован ряд дипломатических документов, раскрывающих особенности отношений России и Пруссии во время событий 1863–1864 гг. в Дании (Лесник, 1939).

В 1957 г. вышла книга эстонской исследовательницы Л.К. Роотс «Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав», которая позволяет детально изучить шлезвиг-гольштейнскую проблему, а также взглянуть на позиции европейских держав во время войны, в том числе и России (Роотс, 1957).

Не менее ценным для нашего исследования является и книга Л.И. Нарочницкой «Россия и войны Пруссии в 1860-х за объединение Германии «сверху» (Нарочницкая, 1960). Отдельная глава книги посвящена шлезвиг-гольштейнскому кризису 1863–1864 гг. и политике царского правительства.

Таким образом, несмотря на существование ряда работ по истории шлезвиг-гольштейнского кризиса, отражение этих событий в русской прессе предпринимается впервые.

4. Результаты

В оценках международной политики российская печать в целом ясно отдавала себе отчет в том, что после Крымской войны роль и значение России в международных отношениях Европы резко упали. Рухнула система Священного союза с ее принципом монархической солидарности. Россия оказалась политически изолированной. В свою очередь роль Англии, Франции и Австрии в европейских делах укрепились. Российское правительство и общество были вынуждены искать новые пути в международной политике, в обстановке, которая еще более осложнилась в связи с событиями 60-х годов в Германии и восстанием в Царстве Польском в 1863–1864 гг.

События шлезвиг-гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. застали российскую общественность врасплох. Как верно констатирует исследователь войн Пруссии в 1860-х годах Л.И. Нарочницкая, «сознание внутренней слабости России: занятость правительства проведением реформ, финансовые затруднения, военная неподготовленность, страх перед возможностью повторения революционной ситуации внутри страны, а также восстаний в западном крае – все это вынуждало помещичье-буржуазные круги признать необходимым для России сосредоточение всех сил и средств внутри страны, а вследствие этого невозможным проведение активной внешней политики на Западе» (Нарочницкая, 1960: 163). Можно говорить о том, что сложившаяся ситуация сплотила различные идейные течения в российском обществе. Единению общественности во многом способствовало и восстание в Царстве Польском, и последовавшие за этим попытки западных держав вмешаться во внутренние дела России.

Определяющим фактором в отражении шлезвиг-гольштейнского кризиса на страницах русских газет являлось отсутствие прямо выраженного несогласия с внешней политикой правительства. Это объясняется не только трудным внутриполитическим положением, но и наличием отлаженного механизма предварительной цензуры. На практике это исключало возможность критики царского правительства. Сюда же следует отнести и слабый уровень развития общественного мнения в России. Информация о событиях шлезвиг-гольштейнского кризиса в прессе во многом носила информативный и прогностический характер.

В восприятии шлезвиг-гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. русским общественным мнением можно выделить несколько аспектов. Во-первых, это влияние кризиса на положение России. Какую политику необходимо вести России? Вынуждена ли она будет активно вмешиваться в конфликт? Каковы будут итоги кризиса и что они сулят для России? Эти вопросы по понятным причинам были наиболее актуальными в российском обществе.

Во-вторых, вопрос немецкого национализма или немецкого объединительного движения. На начальном этапе кризиса немецкое национальное движение ассоциировалось с революционным движением в Европе, с так называемой западной «заразой». Революционный характер восстания в Шлезвиге и Гольштейне лишь подкреплял данные представления. Однако после того как прусские части перешли границу Ютландии, именно консервативную Пруссию стали рассматривать как главный двигатель немецкого национального движения. В российской прессе на все лады обсуждались и критиковались личность прусского министра-президента Отто фон Бисмарка,

агрессивный характер его внешней политики и перспектива объединения Германии под главенством Пруссии.

В-третьих, немало места на страницах русской печати уделялось обсуждениям политики европейских держав, прежде всего Англии и Франции и их позиции в шлезвиг-гольштейнском кризисе. Особенно часто дискутировался вопрос о том пути, по которому пойдут Лондон и Париж: будет ли это курс на эскалацию конфликта или его мирное урегулирование. В глазах русской общественности угроза большой европейской войны выглядела вполне вероятной. Об этом писала «Иллюстрированная газета»: «Внимание всей Европы обращено на одну Данию, и все следят с напряженным вниманием за тем, что происходит в этой маленькой стране, которая может стать причиной всеобщей войны» ([Иллюстрированная газета, 1864. 23 января](#)).

Русской прессой признавалась безусловная важность стратегического положения империи на Балтийском море. По словам «Голоса», от судьбы герцогств зависело политическое равновесие на севере Европы, сохранение которого составляло «главный и единственный интерес для России» ([Голос, 1864. 17 января](#)). В данном случае российская общественность ориентировалась на сохранение в силе Лондонского протокола 1852 года, что позволяло Пруссии, заявившей о приверженности условиям договора, предстать в благоприятном свете на страницах русских газет на начальном этапе кризиса.

Однако дальнейшие события вынуждали русскую прессу рассматривать различные варианты в менявшемся раскладе сил. В ее представлениях возникали две нежелательные комбинации, возможные в случае перехода Шлезвига и Гольштейна в немецкие руки. Во-первых, появление на Балтике мощного немецкого флота, способного подорвать позиции России. Первые волнения по этому поводу высказала газета «Голос» еще до начала войны, тем не менее, эта проблема становилась острее с развитием прусских военных успехов ([Голос, 1864. 29 января](#)). Уже в мае 1864 на страницах «Московских ведомостей» можно было наблюдать вполне осознанную обеспокоенность таким исходом кризиса ([Московские ведомости, 1864. 18 мая](#)). Расположение русской столицы, торговое значение Балтийского моря и гегемонию русского флота на нем автор выделял в качестве главных интересов России, которые она обязана охранять. Если вспомнить те ограничения, которым по Парижскому трактату 1856 подверглась Россия, то опасения в обществе, действительно, имели широкое распространение.

Если в начале кризиса пресса предполагала, что герцогства перейдут в руки Германского союза, что само по себе не представляло угрозы русскому преобладанию на Балтийском море, то, когда наметилась перспектива их присоединения к Пруссии, тема немецкого флота стала активно обсуждаться различными изданиями. Намерения Пруссии закрепиться на Балтийском побережье и стать морской державой имели прямое влияние на негативное восприятие прусской политики. Притязания Гогенцоллернов на герцогства не признавало ни одно издание в России.

Во-вторых, крайне нежелательным виделось возникновение Скандинавской империи путем присоединения Дании к Шведскому королевству, в случае ее поражения и потери ею герцогств. Как писали «Московские ведомости», с потерей герцогств «независимость и целость датской монархии обратятся в пустое слово» ([Московские ведомости, 1864. 13 февраля](#)). В России предполагали, что вероятная Скандинавская империя будет страной непременно с сильным флотом. Надо сказать, что и закрепление немцев на Балтике, и образование Скандинавской империи виделись как два процесса, которые будут происходить параллельно. Таким образом, российская общественность опасалась, что Россия получит сразу двух сильных конкурентов в Балтийском море.

По мере побед прусских войск в газетах стал активнее обсуждаться германский вопрос. Однако теперь это было не прежнее порицание национального движения немцев, которое в России ассоциировалось с революционным движением, а обсуждение вероятности объединения Германии под главенством Пруссии. Такая вероятность, несомненно, представлялась пугающей на страницах газет. Тем не менее в оценке данной комбинации общественное мнение в России не было единым. «Московские ведомости» крайне негативно относились к усилению Пруссии. Присоединение герцогств к Пруссии оценивалось как «тяжкая цена» за лояльность Прусского правительства в польском вопросе ([Московские ведомости, 1864. 27 июля](#)). Наоборот, «Санкт-Петербургские ведомости» не видели в прусской политике в Германии опасных для России последствий ([Санкт-Петербургские ведомости, 1864. 26 января](#)). «Напротив, можно даже предположить, что прусский флот будет в состоянии оказать нам когда-либо существенные услуги», – эти строки показывают, что были и оптимистичные взгляды на объединение Германии вокруг Пруссии ([Санкт-Петербургские ведомости, 1864. 10 июля](#)).

«Весть», со своей стороны, выступала за дальнейшее развитие шлезвиг-гольштейнского кризиса, так как он отвлекал внимание Европы от злободневного польского вопроса ([Весть, 1864. 18 февраля](#)). К тому же данное издание постепенно склонялось к мысли, что только главенство Пруссии в Германии сможет предотвратить объединение немцев революционным путем. «Весть» вполне допускала присоединение Шлезвига и Гольштейна к Пруссии, если только та сможет подавить революционное движение в Германии.

Оригинальную точку зрения высказывала славянофильская газета «День», что «шлезвиг-гольштейнский вопрос не касается интересов России ([День, 1864. 20 мая](#)). Данная позиция логично вытекала из общих внешнеполитических воззрений славянофилов, настаивавших на переносе центра тяжести русской внешней политики из Европы на Восток и отстаивавших идеи панславизма.

Влияние шлезвиг-гольштейнского кризиса не международное положение России в Европе было главной темой на страницах русских газет. Все остальные вопросы рассматривались российской общественностью в первую очередь во взаимосвязи с внешней политикой России. Вынужденная отстраненность России от активного участия в кризисе, продиктованная тяжелым положением внутри страны, воспринималось болезненно. Перспективы урегулирования шлезвиг-гольштейнского кризиса, которые обсуждались в русских печатных изданиях, не сулили России выгод, а даже наоборот, вырисовывали негативные для России изменения в балансе сил. Тем не менее можно говорить о единстве в русском общественном мнении относительно сдержанности российской внешней политики, которая была встречена обществом с пониманием и одобрением.

Германский вопрос являлся одним из самых острых для России вопросов и обсуждался в годы шлезвиг-гольштейнского кризиса в изданиях различных политических направлений. Российское общество осознавало правомерность создания единого немецкого государства. Однако отстранение России от участия в этом процессе приводило к негативному восприятию самой идеи. Нарушение европейского спокойствия немцами Шлезвига и Гольштейна изначально воспринималось русской прессой отрицательно, особенно учитывая силу консервативных и реакционных настроений в русском обществе. Шлезвиг-Гольштейнский кризис изображался не иначе, как революционный бунт, а легитимность претендента на герцогский престол Фридриха IX Августенберга ставилась под сомнение. Об этом, в частности, писала «Весть» в номере от 5 января 1864 г.: «Является, Бог знает, откуда, никому доселе неизвестный какой-то принц Августенбергский; шлезвиг-гольштейнский вопрос, утопленный, по-видимому, в канцелярских чернильницах, вдруг всплывает на поверхность; национальные страсти разожжены, и второстепенные державы Германии хватают знамя революции» ([Весть, 1864. 5 января](#)).

Для России – многонациональной империи с абсолютной властью монарха – идеи, которые сопровождали шлезвиг-гольштейнский кризис, а именно идея революции и принцип национальностей, были неприемлемы. «Союзная экзекуция превратилась в революцию», – так иронично оценивали происходящие события журналисты «Иллюстрированной газеты» ([Иллюстрированная газета, 1864. 14 января](#)). Сама же суть кризиса в герцогствах во всей Европе признавалась очень запутанной темой, в том числе и в России. «Шлезвиг-Гольштейнская распря содержит в себе несколько противоречащих вопросов, которые каждый понимает по-своему или не понимает вовсе», – так оценила шлезвиг-гольштейнский кризис «Северная пчела» ([Северная пчела, 1864. 11 января](#)).

Во главе угла всего конфликта стоял принцип национальностей, и российское общество довольно быстро это распознало. Именно ущемление прав немецкого населения в составе Датской монархии послужили причиной для союзной экзекуции Гольштейна. Газеты с неприязнью информировали о том, что жители Гольштейна встречали войска Германского союза, состоящие из ганноверцев и саксонцев, «как избавителей».

Вообще, германское национальное движение в силу ряда причин не находило сочувствия в российском общественном мнении. Во-первых, в Прибалтийских губерниях Российской империи проживало значительное число немецкого населения. Как пишет М.М. Духанов, «восстания в Польше, Литве 1863 года углубляли национальные противоречия между коренным населением и господствовавшими немецкими привилегированными сословиями и усугубляли напряженность в регионе» ([Духанов, 1962: 4](#)). Во-вторых, возможное появление на своих западных границах сильного национального государства в лице Германии не внушало ничего хорошего для российской общественности. Нельзя не отметить и то, что писали «Биржевые ведомости»: «Нет патриотизма с большими претензиями, чем у немецкого» ([Биржевые ведомости, 1864. 7 января](#)). В связи с этим в русском обществе распространялись идеи о необходимости сдерживать немецкое национальное движение, а к немецкому объединению относились с опаской.

По мере развития конфликта эмоциональное восприятие событий в Шлезвиге и Гольштейне сменялось попытками рационального осознания происходивших перемен. Все больше внимания российская общественность стала уделять политике Пруссии в шлезвиг-гольштейнском кризисе, которой руководил Отто фон Бисмарк. На момент восстания в герцогствах он занимал пост главы правительства чуть более года, однако уже тогда в российской прессе сложилось определенное представление о нем. В качестве его козырей журналисты отмечали обаяние, любезность, знание иностранных языков, настойчивость и умение убеждать. Датско-прусская война стала его первой внешнеполитической аферой, из которой он вынес немалые выгоды для дальнейшего объединения Германии. Тем не менее, вопрос о его компетентности на дипломатическом поприще в российской прессе практически не поднимался. Вместе с тем методы, которыми Бисмарк осуществлял свою политику, вызвали неоднозначную оценку в журналистских кругах.

Так, «Весть» в номере от 12 февраля 1864 г. выражала свои симпатии к Бисмарку следующим образом: «...Граф Бисмарк более чем кто-либо другой не привык к неудачам и до сих пор всегда умел добиться блистательного реванша за все, даже самые ничтожные поражения, какие ему удавалось переносить» (*Весть, 1864. 12 февраля*). Однако если последователи газеты «Весть» признавали гибкость и дипломатическую изворотливость канцлера, то либеральные издания были противоположного мнения. Они настаивали на том, что Бисмарк никогда не задумывался над преодолением всевозможных трудностей на своем пути, а предпочитал идти напролом, хотя дипломатический талант Отто фон Бисмарка сомнений ни у кого не вызывал.

Союз Австрии и Пруссии, который страны формально заключили на время шлезвиг-гольштейнского кризиса, носил весьма противоречивый характер. Если интересы Пруссии в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн вполне ясны, то позиция Австрии вызывала много вопросов. Во-первых, географическая удаленность герцогств от Австрийской империи создавала трудности для управления и контроля над теми провинциями, которые подлежали завоеванию. Во-вторых, отторжение герцогств от Дании скорее отвечало требованиям Пруссии, которая видела Шлезвиг и Гольштейн как место для закрепления своего влияния в Балтийском и Северном морях. Таким образом, при отсутствии приемлемых обоснований и реальных причин для агрессии против Дании союз Австрии и Пруссии в российской прессе был встречен негативно.

В «Биржевых ведомостях» отмечали, что «соглашение Австрии и Пруссии относительно Шлезвига и Гольштейна приводит в негодование народ». (*Биржевые ведомости, 1864. 20 января*). В российских изданиях нашла отражение версия о том, что Пруссия и Австрия, заключив стратегический союз, должны были решать свои внешнеполитические задачи, Пруссия – на Севере, присоединив герцогства, а Австрия – на Юге, аннексировав Венецию. Это дипломатическое достижение Бисмарка вызвало недовольство не только на страницах либеральных газет, но даже и у таких консервативных изданий, как «Весть»: «Мы далеки от того, чтобы сочувствовать изворотливой политике господина Бисмарка» (*Весть, 1864. 25 января*).

Однако для российской общественности становилось все более очевидным, что Бисмарк нацелился на военное решение кризиса. Данное обстоятельство сильно повлияло на восприятие Датской войны 1864 года в России. Война представлялась как «несправедливая», а ее инициатор – Пруссия – и вовсе предстала в роли агрессора и захватчика. Со страниц русской периодики доносилось все больше скрытого желанья неудач прусско-австрийским войскам. «По всем вероятностям, немцам придется стоять перед Дюпелем столько же, сколько западные союзники стояли перед Севастополем», – так спрогнозировали ситуацию журналисты «Сына Отечества», когда пруссаки не смогли взять эту крепость штурмом (*Сын Отечества, 1864. 12 марта*). Тем не менее, вопреки надеждам в российском обществе, война не стала затяжной.

Скоротечный характер кампании и ее результаты вызывали волну негодования в русском обществе. Притязания на герцогства, никогда не принадлежавших Германии, не объяснялись ни международным, ни каким-либо иным правом. «Германия почему-то сочла себя вправе распоряжаться чужой собственностью», – так реагировала на происходившие события газета «День» (*День, 1864. 5 мая*). Не выдерживали критики и объяснения венского и берлинского дворов о том, что они лишь защищают немецкое население, угнетаемое датчанами. «Весть» довольно легко выводила Австрию и Пруссию на чистую воду: «Австрия и Пруссия, имеющие владения, которые могут быть оспорены во имя принципа национальностей, встают на защиту этого принципа в Шлезвиге и Гольштинии» (*Весть, 1864. 5 января*).

Военные действия союзников раскрывали их истинные цели. Идея о революции в герцогствах в русском обществе быстро сошла на нет. «В высокомерных действиях против Дании замешаны именно интересы правительств, а не революции, – писала «Весть», – не подлежит сомнению, что главные виновники войны – демократы, а всеми промахами демократов воспользовался господин Бисмарк» (*Весть, 1864. 17 октября*). Российское общество к концу войны довольно ясно себе представляло, кто извлек главную выгоду из этой войны. На страницах русской печати Бисмарк стал появляться как весьма умный, целеустремленный, но в то же время хитрый, агрессивный политик. Его роль в прусско-датском конфликте на страницах русских изданий стала подаваться в образе поджигателя конфликта ради личной выгоды. Как писала «Весть», «мнимым вопросом о свободе, благодаря неспособности демократов, воспользовался для усиления власти господин Бисмарк» (*Весть, 1864. 2 ноября*).

Стоит сказать, что значение Бисмарка в шлезвиг-гольштейнской войне на страницах русских органов печати не преувеличивалась. Бисмарк, действительно, своевременно взяв решение конфликта на себя, смог довести войну до благоприятного для Пруссии конца. Так, Пруссия получила стратегически-важные территории с выходом как к Балтийскому, так и к Северному морям. После этого Германии была открыта дорога к статусу Великой морской державы. Но то, как относительно легко Пруссия прибрала к рукам никогда не принадлежавший Германии Шлезвиг, создавало у русских читателей впечатление, что Бисмарк обхитрил и Россию, и всю Европу. Те же в этой ситуации не приложили в достаточной мере ни своего политического, ни дипломатического веса для

предотвращения такого выигрыша для Пруссии и уж тем более для «неблагодарной» по отношению к России Австрии.

Следующей темой, которая привлекла внимание русской печати, стала политика европейских держав в шлезвиг-гольштейнском кризисе. Дипломатия лондонского и парижского дворов активно обсуждалась в прессе, поскольку она непосредственным образом влияла на дипломатию царизма. В русском обществе позиция Англии на начальном этапе рассматривалась как враждебная Германии. «Биржевые ведомости» сообщали, что интересы Англии состояли в том, чтобы герцогства, и в особенности важный порт Киль, не достались немцам ([Биржевые ведомости, 1864. 21 января](#)). Конечно, Англия не хотела, чтобы в пределах досягаемости ее берегов располагалась база немецкого флота, пусть даже и в будущем. Поэтому до определенного времени Англия рассматривалась российской журналистикой как самый ярый сторонник сохранения довоенного положения вещей. Для достижения своих целей Британия использовала дипломатию и военную угрозу.

Инициативы английского правительства к скорейшему заключению мира неоднократно отмечались в российских газетах. Так, журналисты «Иллюстрированной газеты» возлагали свои ожидания на Англию в январе 1864 года: «Если Англии удастся собрать конференцию, это будет великий подвиг и подаст надежду на мирное окончание неравной и несправедливой войны» ([Иллюстрированная газета, 1864. 28 января](#)).

Поскольку военные действия продолжались, а мирная конференция не созывалась, то на страницах российских изданий все чаще стало высказываться недоверие к Англии как стране, стремящейся к миру. Так, «Весть» в мартовском номере задавалась вопросом, почему великие державы позволяют немцам грабить Данию ([Весть, 1864. 17 марта](#)).

Наконец 26 апреля 1864 г. в Лондоне открылась мирная конференция, что можно считать частичным успехом английской дипломатии. Помимо представителей воюющих сторон, на ней были представлены посланники из Германского союза, Англии, Франции, России и Швеции. Однако конференция не достигла своей цели, что позволяло констатировать провал дипломатических усилий Лондона.

Помимо дипломатического воздействия на Пруссию и Австрию, Англия также пугала немцев своим вмешательством в войну. Наиболее вероятным российской общественности казалась помощь военно-морскими силами. «Московские ведомости» сообщали о снаряжении английской эскадры на помощь Дании еще в январе 1864 года ([Московские ведомости, 1864. 21 января](#)). Впрочем, флот Дании и так превосходил союзный флот Австрии и Пруссии и нанес ряд поражений противнику в ходе войны, поэтому датчане более рассчитывали на помощь войском. Однако такой помощи не последовало, хотя в русских газетах и упоминали о тридцатитысячном вспомогательном корпусе: «Из Лондона пущена телеграмма, что до 35 тысяч английского войска поставлены на военную ногу, но это слышали уже столько раз, что никто не верит этому» ([Весть, 1864. 12 февраля](#)).

Военные угрозы в сторону Пруссии не возымели результата. Российское общество к марту 1864 года уже ясно себе представляло, что Англия не готова вмешаться в войну. Квинтэссенцией данного представления стала публикация в газете «День» статьи с громким заголовком «Англия грозит – Германия хохочет» ([День, 1864. 9 марта](#)). Чем ближе была развязка шлезвиг-гольштейнского кризиса, тем очевиднее становилось, что изначальное мнение российского общества об антигерманской политике Великобритании являлось ошибочным. Английское правительство не предприняло никаких действенных мер для сдерживания немецкой агрессии, допустив присоединение герцогств к Австрии и Пруссии. Подталкивая Данию к войне и поощряя германский патриотизм, Англия лавировала между воюющими сторонами, стремясь не допустить вмешательство в войну третьей силы.

Позиция Франции в шлезвиг-гольштейнском кризисе 1864 г. на первый взгляд была более понятной. Российские консервативные издания достаточно критично оценивали внешнюю политику Наполеона III. В связи с этим «Весть» писала, что именно парижский кабинет подталкивал герцогства к сепаратизму ([Весть, 1864. 5 января](#)), хотя поддержка средних и малых немецких государств отвечала французским интересам. Франция действительно поддерживала принцип национальностей, который стал главной идеей восстания в Шлезвиге и Гольштейне. Однако события в герцогствах все-таки были вызваны другими факторами. На глазах Наполеона III происходило явное усиление воинственного соседа – Пруссии. Тем не менее, Франция довольно пассивно реагировала на события на Севере Европы и занимала нейтральную позицию ([Роотс, 1957: 220](#)).

Так как извлечь выгоды из развивавшегося на севере Европы шлезвиг-гольштейнского кризиса Франция не могла, то она выступала за то, чтобы Шлезвиг и Гольштейн стали двумя новыми монархиями в составе Германского союза. Это отвечало политике Наполеона III по поддержке второстепенных немецких государств как третьей силы в деле объединения Германии, наряду с Пруссией и Австрией. Такой внешнеполитический курс Франции довольно прохладно встретили в России, особенно в консервативных дворянских кругах. «Луи-Наполеон, отстаивая в герцогствах принцип национальностей, в противоречии с самим собой потому, что если Германия домогается Шлезвиг-Гольштейна, то Польша тем более должна принадлежать России, как самой

могущественной представительнице славянской нации», – так реагировала на это газета «День» ([День, 1864. 29 января](#)).

В политике Наполеона III действительно имелось немало противоречий, в том числе и в отношении Шлезвига и Гольштейна. Правительство Франции не стремилось к скорейшему урегулированию конфликта между немцами и датчанами и заняло выжидательную позицию, чтобы не упустить выгоды, если представится случай. Именно Франция игнорировала и не давала хода идеям и воззваниям Англии о необходимости мирной конференции. В марте 1864 года «Северная пчела» сообщала, что в Париже считали проект конференции преждевременным, хотя к этому времени союзное австро-прусское войско уже заняло почти весь полуостров Ютландия ([Северная пчела, 1864. 5 марта](#)).

На Лондонской конференции 1864 года французский посланник настаивал на необходимости проведения плебисцита в герцогствах, но идея о всеобщем волеизъявлении народа не нашла поддержки у остальных участников конференции. В связи с этим предложением «Весть» задавалась весьма ироничным вопросом: «Интересно узнать, на каком основании к этой идее примкнет Австрия, владеющая Венецией, Галицией и Венгрией?» ([Весть, 1864. 8 марта](#)).

На страницах русских газет к концу войны можно встретить все больше сатирических оценок действий Великих держав. Их упрекали не только в бездействии, но также и в преследовании своих корыстных интересов. В связи с этим «Иллюстрированная газета» высказывала мысль, что именно умеренная позиция европейских держав пробуждала «порывы германского фанатизма», стремящегося к нарушению мира ([Иллюстрированная газета, 1864. 12 февраля](#)). Англия и Франция были готовы вступить в войну только за достойное вознаграждение, которое им не могла предложить ни Дания, ни Пруссия с Австрией. Информацию, появившуюся в «Голосе», о якобы финансовой и военной помощи Дании крайне иронично прокомментировала «Весть»: «До сих пор Англия помогала датчанам только присылкой в их штаб двух офицеров; но Франция, кроме двух офицеров, прислала еще трех сердобольных женщин» ([Весть, 1864. 8 марта](#)). Данная оценка недалека от истины, ведь в реальности Великие державы бездействовали.

Русское общественное мнение первоочередную причину дипломатического успеха Пруссии видело в попустительстве Великих держав. «Европа, пугавшая немцев до начала войны, теперь молчит и удивляется геройству сотысячного войска, которое борется с чуть ли не горстью датчан», – так комментировали политику Великих держав «Биржевые ведомости» ([Биржевые ведомости, 1864. 16 марта](#)). Российские журналисты в своих статьях обращали внимание на многочисленные противоречия в политике европейских держав. Успех Пруссии по итогам войны вызывал негодование в российском обществе на фоне не так давно проигранной Крымской войны и Польского восстания, когда западные страны ополчились на Россию ([Весть, 1864. 2 ноября](#)). Можно сказать, что политика европейских держав в шлезвиг-гольштейнском кризисе воспринималась с недоумением. Сравнение с событиями в Польше порождало и усугубляло в российском общественном мнении ощущение отчуждения России от Европы.

5. Заключение

Шлезвиг-гольштейнский кризис воспринимался в российской прессе как событие, которое будет иметь непосредственное влияние на положение в стране, на Балтике, в Европе и угрожать национальной безопасности государства. Газеты, прогнозируя различные варианты урегулирования кризиса, в большинстве своем приходили к неутешительному выводу о том, что любой исход событий в Шлезвиге и Гольштейне, сопряженный с аннулированием Лондонского протокола 1852 года, негативно скажется на интересах России.

Германский вопрос, насквозь пронизывающий шлезвиг-гольштейнский кризис, и будучи одной из его первопричин, по-разному оценивался в России. Многим изданиям датско-германская распря виделась как первый шаг к немецкому объединению. Перспектива единой Германии на западных границах империи явно выглядела устрашающей и невыгодной для России. Хотя не все газеты враждебно относились к этой идее, но большинство изданий признавало это нежелательным для геополитических интересов империи. Причем отрицательное отношение было к обоим вариантам объединения Германии: и к революционному пути «снизу», несшему в себе угрозу для внутреннего политического устройства России, и к объединению «сверху» под главенством Пруссии, усиление которой воспринималось как угроза западным границам страны. Поэтому в России негативно отнеслись сначала к восстанию в Шлезвиге и Гольштейне в ноябре 1863 года, а затем и к развязыванию войны Пруссией против Дании.

Шлезвиг-гольштейнский кризис не прошел бесследно. Он породил абсолютно новые перспективы в европейской политике, которые неоднозначно оценивались русской прессой. Наряду с возможным ослаблением позиций России на международной арене в целом, и в Балтийском регионе в частности, русская пресса высказывала опасения по поводу потенциального мощного и воинственного соседа на западных рубежах.

Неудавшаяся попытка великих держав уладить конфликт путем мирной конференции в апреле 1864 г. лишь усилила негативное восприятие Англии и Франции. Активная реакция Лондона и

Парижа на восстание в Польше в 1863–1864 гг., которое российская общественность рассматривала как внутренний вопрос России, контрастировала с позицией Англии и Франции в шлезвиг-гольштейнском вопросе, который в России считался вопросом общеевропейской безопасности.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Литература

- Аксаков, 1892 – И.С. Аксаков в его письмах. М.: 1892. Т. 1-3.
 Барышников, 2014 – Барышников В.Н. Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2014, №7. P. 99-121.
 Биржевые ведомости, 1864 – Биржевые ведомости, 1864.
 Весть, 1864 – Весть, 1864.
 Голос, 1864 – Голос, 1864.
 День, 1864 – День, 1864.
 Иллюстрированная газета, 1864 – Иллюстрированная газета, 1864.
 Козлов, 2018 – Козлов Н.О. Шлезвиг-гольштейнский вопрос в трудах российских историков второй половины XIX столетия // *Saint-Petersburg and Northern European Countries: Materials of the nineteenth annual scientific conference* / Edited by V.N. Baryshnikov, P.A. Krotov. SPb. RCHGA, 2018. pp. 256-263.
 Лесник, 1939 – Лесник С. Россия и Пруссия в шлезвиг-гольштейнском вопросе // *Красный архив*. 1939. №2. С. 51-118.
 Московские ведомости, 1864 – Московские ведомости, 1864.
 Нарочницкая, 1960 – Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. 287 с.
 Роотс, 1956 – Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863–1864 годах. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1957. 242 с.
 Русская газета, 1859 – Русская газета, 1859.
 Санкт-Петербургские ведомости, 1864 – Санкт-Петербургские ведомости, 1864.
 Северная пчела, 1864 – Северная пчела, 1864.
 Сын Отечества, 1864 – Сын Отечества, 1864.
 Fokin et al., 2017 – Fokin V. I., Shirin S. S., Nikolaeva J. V., Bogolubova N. M., Elts E. E., Baryshnikov V.N. Interaction of Cultures and Diplomacy of States // *Kasetsart Journal of Social Sciences*, 2017, No. 38 (1). pp. 45-49.
 Oberschmidt, 1997 – Oberschmidt R. Russland und die Schleswig-Holstein Frage 1839-1853. F.u.M., 1997. 326 p.
 Plenkov et al., 2016 – Plenkov O., Adamova N., Baryshnikov V., Borysenko V. Prussian phenomenon and its historical distortion // *Bylye Gody*, 2016. Т. 39, № 1. pp. 196-203.

References

- Aksakov, 1892 – I.S. Aksakov v ego pis'makh. [I.S. Aksakov in his letters] M.: 1892. Vol. 3. 514 p. [in Russian]
 Baryshnikov, 2014 – Baryshnikov V.N. (2014). Baltiiskii vopros i ego izuchenie v Sankt-Peterburge (XVIII-XXI vv.) [Baltic question and its studying in Saint-Petersburg (XVIII-XXI)]. *Journal of Modern Russian History and Historiography*. № 7. pp. 99-121. [in Russian]
 Birzheve vedomosti – Birzheve vedomosti [Stock news], 1864. [in Russian]
 Den' – Den' [Day], 1864. [in Russian]
 Fokin et al., 2017 – Fokin V.I., Shirin S.S., Nikolaeva J.V., Bogolubova N.M., Elts E.E., Baryshnikov V.N. (2017). Interaction of Cultures and Diplomacy of States. *Kasetsart Journal of Social Sciences*, No. 38 (1). pp. 45-49.
 Golos, 1864 – Golos [Voice], 1864. [in Russian]
 Illyustrirovannaya gazeta – Illyustrirovannaya gazeta [Illustrated newspaper], 1864. [in Russian]
 Kozlov, 2018 – Kozlov N.O. (2018). Shlezvig-Gol'shteinskii vopros v trudakh rossiiskikh istorikov vtoroi poloviny XIX stoletiya [Schleswig-Holstein question in studies of the Russian historians of the second half of XIX century]. *Saint-Petersburg and Northern European Countries: Materials of the nineteenth annual scientific conference*. Edited by V.N. Baryshnikov, P.A. Krotov. SPb. RCHGA. pp. 256-263. [in Russian]
 Lesnik, 1939 – Lesnik S. (1939). Rossiya i Prussiya v shlezvig-gol'shteinskom voprose [Russia and Prussia in Schleswig-Holstein question]. *Krasnyi Arkhiv*. №2. pp. 51–118. [in Russian]
 Moskovskie vedomosti – Moskovskie vedomosti [Moscow news], 1864. [in Russian]
 Narochnitskaya, 1960 – Narochnitskaya L.I. (1960). Rossiya i voiny Prussii v 60-kh godakh XIX veka za ob"edinenie Germanii «sverkhu» [Russia and Prussian wars for the unification of Germany in 1860s]. М.: GOSPOLITIZDAT. 287 p. [in Russian]

- Oberschmidt, 1997 – *Oberschmidt R.* (1997). *Russland und die Schleswig-Holstein Frage 1839–1853*. F.u.M. 326 p.
- Plenkov et al., 2016 – *Plenkov O., Adamova N., Baryshnikov V., Borysenko V.* (2016). Prussian phenomenon and its historical distortion. *Bylye Gody*, 2016. Т. 39, № 1. pp. 196-203.
- Roots, 1956 – *Roots L.K.* (1957). *Shlezvig-Gol'shteinskii vopros i politika evropeiskikh derzhav v 1863–1864 godakh* [Schleswig-Holstein question and the policy of European powers in 1863-1864]. Tallin: Estonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 242 p. [in Russian]
- Russkaya gazeta – *Russkaya gazeta* [Russian newspaper], 1859. [in Russian]
- Sankt-Peterburgskie vedomosti – *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St Petersburg news], 1864. [in Russian]
- Severnaya pchela – *Severnaya pchela* [The north bee], 1864. [in Russian]
- Syn Otechestva – *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland], 1864. [in Russian]
- Vest' – *Vest'* [News], 1864. [in Russian]

Русская пресса и борьба немецкоязычного населения Шлезвига и Гольштейна в 1863–1864 гг. за независимость

Владимир Николаевич Барышников^a, Анатолий Васильевич Смолин^a, Никита Олегович Козлов^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу общественного мнения России в течение шлезвиг-гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. Шлезвиг-гольштейнский вопрос был не только частью проблемы объединения Германии, но и спорным вопросом в борьбе европейских держав за экономические и стратегические позиции в бассейне Балтийского моря. Как и почему именно так воспринимались эти события русским обществом?

Традиционным источником для изучения общественного мнения является пресса. Наибольший вклад в освещение и обсуждение событий в Дании внесли такие газеты, как «Весть», «День», «Голос», «Московские ведомости» и другие ведущие издания России.

Первая часть исследования анализирует внутреннее состояние России к 1863–1864 гг., в том числе условия существования и выражения общественного мнения. Российская периодика не только предоставляла оперативную информацию, но и формировала определенный взгляд на события в Дании.

Во второй части статьи анализируется восприятие основных событий в Дании русским обществом: эскалация кризиса в 1863 г., начало австро-пруско-датской войны в феврале 1864 г., дипломатические попытки нейтральных держав остановить войну и политика европейских держав.

Ключевые слова: Шлезвиг-Гольштейн, австро-пруско-датская война 1864 г., общественное мнение России, российские газеты, объединение Германии.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: koylov1725@gmail.com (Н.О. Козлов)